

УДК 942.084.0

Ц. М. Чикаидзе, У. Ш. Тедеева

БЛИЖНИЙ ВОСТОК (1945–1950-е гг.): УСТРЕМЛЕНИЯ СТОРОН

Авторы ставят своей целью рассмотрение факторов, обусловивших геополитическую трансформацию региона Ближнего Востока в переломное послевоенное десятилетие, ознаменовавшееся смещением «центров силы» и становлением новых акторов мировой политики.

Ратую за становление новых параметров взаимоотношений, правящие круги Великобритании с упрочением позиций на Ближнем Востоке, намеревались компенсировать утрату Индии, однако подобные устремления торпедировались подъемом антибританского национализма, антиимпериалистическим курсом СССР, и антиколониальной доктриной США. Помимо идеологического противостояния сверхдержав в условиях послевоенного периода, подспудно шла борьба за получение геостратегического превосходства и установление доступа к нефтяным ресурсам региона.

Наряду с растущим влиянием в финансовой и экономической сфере ближневосточного региона, в политике США прослеживались гегемонистические устремления. Принимая во внимание характер американских интересов на Ближнем Востоке и специфику внутривнутриполитической составляющей США, оказывающей принципиальную роль в формировании внешнеполитического курса, политика Соединенных Штатов не отличалась ни последовательностью, ни корректностью. Масштабный подход при решении политических задач, порой приво-

дивший к кризисам, ставил правящие круги США перед необходимостью переоценки и модификации внешней политики. Так усилия США в послевоенное десятилетие были направлены на нейтрализацию и дальнейшее ограничение советского влияния в регионе Ближнего Востока, придерживались в Вашингтоне и тактики сдерживания конфликтов и конфронтации на региональном уровне.

Для советской стороны принципиальным аспектом, претворяющим активизацию на ближневосточном направлении, стало стремление добиться гарантий безопасности своих южных рубежей. Кроме того, позиция, направленная на диверсификацию связей благоприятствовала продвижению внешнеполитических интересов СССР в статусе сверхдержавы.

Анализ архивных материалов и исследовательской литературы позволяет резюмировать, что внешнеполитические приоритеты и принципы ведущих мировых держав имели широкий резонанс в регионе. Поэтому формирование политических коалиций и соперничество государств Ближнего Востока, отчасти поддерживалось извне.

Ключевые слова: арабские страны, Египет, Саудовская Аравия, Израиль, ближневосточная политика СССР, внешнеполитическая стратегия США.

Tsisnami Chikaidze, Ul'yana Tedeeva

MIDDLE EAST VECTOR IN THE POLICY OF THE LEADING WORLD POWERS

The authors aim to consider the factors that led to the geopolitical transformation of the Middle East region into a turning-point post-war decade marked by the shift of «centers of power» and the emergence of new actors of world politics.

Advocating for the formation of new parameters of relations, the ruling circles of Great Britain with the strengthening of positions in the Middle East, intended to compensate for the loss of India, but such aspirations were torpedoed by the rise of anti-British nationalism, the anti-imperialist course of the USSR, and the anti-colonial doctrine of the United States.

In addition to the ideological confrontation of the superpowers in the post-war period, the struggle for geostrategic superiority and access to the region's oil resources was wondrous. Along with the growing influence in the financial and economic sphere of the Middle East region, hegemonic aspirations were traced in US policy.

Given the nature of American interests in the Middle East and the specificity of the domestic political component of the United States, which plays a fundamental role in shaping foreign policy, United States policy was neither consist-

ent nor correct. A large-scale approach to solving political problems, sometimes leading to crises, put the ruling circles of the United States in front of the need to re-evaluate and modify foreign policy. So the US efforts in the post-war decades were aimed at neutralizing and further limiting Soviet influence in the Middle East region, and Washington also adhered to tactics of containing conflicts and confrontation at the regional level.

The fundamental aspect for the Soviet side, of the activation in the Middle East direction has been the desire to achieve security guarantees for its southern borders. In addition, the position aimed at diversifying ties favored the advancement of the foreign policy interests of the USSR in the status of a superpower.

An analysis of archival materials and research literature allows us to conclude that the foreign policy priorities and principles of the leading world powers had a wide resonance in the region. Therefore, the formation of political coalitions and the rivalry of the States of the Middle East was partly supported from outside.

Key words: Arab countries, Egypt, Saudi Arabia, Israel, the Middle East policy of the USSR, US military strategy.

Идеологические доктрины наряду с политическими идеями претворяли новые векторы в истории. И в этом отношении принципы и идеология панарабизма обладали особой притягательностью, что обеспечивало Египту объективную возможность использовать свой статус в качестве связующего элемента между подсистемой арабских государств и устоявшейся мировой политической системой. Несмотря на определенные периоды истории Египта, сопряженные с утратой суверенитета, «Страна пирамид» и в статусе имперской провинции сохраняла институциональную стабильность, что служило основанием для формирования миропонимания, устоев, и приоритетов египетского общества, выходящих за рамки внутривнутриполитической борьбы и идеологии. Ввиду специфики геополитического расположения, правящие круги Египта, акцентируя внимание на авторитете своей страны в арабском мире, вместе с тем пытались решить стоящие на повестке актуальные для страны задачи.

Стремление добиваться полного суверенитета фигурировало в качестве ключевого элемента внешней политики Египта в межвоенный период, однако политическое размежевание мешало продемонстрировать твердую решимость покончить с британским диктатом. Более того, Великобритании удавалось удерживать баланс, лавируя между либерально-националистической направленностью партии «Вафд» и сторонниками египетской монархии. Тем не менее, устоявшаяся модель взаимоотношений утрачивала стабильность, поскольку консервативная элита более не могла оставаться бездейственной в отношении британского присутствия на территории страны.

С завершением Второй мировой войны правящим кругам Египта предстояло столкнуться с перешедшим на более высокий уровень подъемом национального самосознания – и, определенно, внутренняя политика оказывала детерминирующее воздействие на внешнеполитическую сферу. Вследствие чего идея о необходимости безоговорочной эвакуации британских войск, которая служила бы гарантом обретения независимости, находила все больше сторонников. И если внутривнутриполитическая разобщенность расшатывала положение консервативных кругов, то ряды приверженцев националистической идеологии только ширились. Так концепция национального возрождения находила отклики в политических программах ведущих партий Египта, которых объединяла антибританская направленность. И правящие круги Египта на протяжении 1945–1950 гг. не обладали иной альтернативой, кроме как проявление приверженности национальной идее [8, р. 98 – 99]. Поэтому попытка трансформировать систему господства, осуществляемую в форме прямого правления под эгидой альянсов в «отношения равных партнеров» была нацелена на сохранение за Британской империей статуса державы с превалирующими позициями в регионе Ближнего Востока.

Будучи более столетия краеугольным камнем американской дипломатии в Западном полуша-

рии, доктрина Монро представляла собой интеллектуальную задачу для правящих кругов США, скрупулезно оценивающих ближневосточный регион. Возобладавшая в 1920-е гг. изоляционистская позиция и дистанцирование США от участия в решении европейских проблем, и вопросов, связанных с реформатированием Ближнего Востока, контрастировала с наметившимся с 1942 г. ростом американского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, демонстрируя планы Вашингтона в долгосрочной перспективе.

Наряду с духом сотрудничества порожденным войной, Великобритания и США оставались суверенными государствами, которым был присущ исторический антагонизм и разноплановость внешнеполитических устремлений, что явственно прослеживалось в отношении Ближнего Востока. Разногласия в вопросах дальнейшего присутствия и регламентации взаимоотношений с региональными государствами сохраняли актуальность. При этом сублимация одной державы по отношению к другой непосредственно оказывала воздействие на их «косые отношения». Не случайно британские правящие круги были обеспокоены заметным американским присутствием и грозящей опасностью постепенного вытеснения из нефтяной сферы региона [20, р. 114].

С завершением Ялтинской конференции в феврале 1945 г., Ф. Рузвельт направился в Египет, где ему предстояла встреча с саудовским монархом, ввиду ключевой значимости, придаваемой его государству в Госдепартаменте, в военных кругах, и сформированном генералом У. Donovanом Управлении Стратегических Служб (OSS) – предшественнике ЦРУ в годы Второй мировой войны [9, р. 34–35]. Саудовская Аравия была лишь одним звеном в глобальной цепи военного времени, но королевству был присущ один решающий аспект. Помимо наличия в недрах обширных запасов нефти и газа, геостратегического положения, Саудовская Аравия представляла собой суверенное государство в этом принципиально значимом ближневосточном регионе.

Пытаясь охарактеризовать сложный и, порой, противоречивый курс и приоритеты, которые определяли политику США в регионе Ближнего Востока. Д. Литл исходит из оценки уровня компетентности американской стороны [8, р. 4]. Так, в связи с предстоящими выборами в Конгресс в ноябре 1946 г. Г. Трумэн, не придерживаясь обязательств своего предшественника относительно Палестины, все больше склонялся на сторону «сотни тысяч, стремящихся к успеху сионизма», поскольку среди его потенциальных избирателей не было «сотен тысяч арабов» [9, р. 34–35].

Опасаясь возникновения политического вакуума в регионе, стратегическое значение, которого становилось беспрецедентным, официальный Вашингтон с марта 1947 г. демонстрировал готовность потеснить Великобританию в Греции и Турции под эгидой «Доктрины Трумэна», предвосхищая отстаивание британской стороной статус-кво на Ближнем Востоке. Так с упрочением

позиций США в военно-стратегической и финансово-экономической сфере в регионе Ближнего Востока для Великобритании все обременительней становилось активное содействие лояльным региональным режимам, наряду с содержанием фактически 100-тысячного контингента военнослужащих и поддержание военно-технического потенциала военных баз, находящихся в регионе.

Столкнувшись с антиколониальной борьбой в Палестине, политика британских мандатных властей была направлена не только на устранение очагов освободительного движения, но и на ее раздробление [4, р. 96]. Ослабленный войной бюджет Великобритании, утрата действенных рычагов воздействия на сионистские круги подталкивали лейбористское правительство, пришедшее на смену «консерваторам» к компромиссу. В Лондоне находили приемлемым федеративное устройство будущей Палестины, при сохранении британского контроля над Иерусалимом,

Заинтересованность же со стороны влиятельных сионистских кругов США, в целом, обусловила поддержку администрацией Белого дома установки на раздел Палестины.

В отчете советского посла в США – Н. В. Новикова, констатировалось присутствие американского военно-морского флота в портах Восточного Средиземноморья и меры направленные на получение права постоянной дислокации, гарантированные межгосударственными соглашениями [17, р. 66].

Хотя Ближний Восток не представлял приоритетного направления внешней политики СССР в конце Второй мировой войны, тем не менее, контуры «холодной войны» стали приобретать реальные очертания в регионе. С отказом Турции к лету 1946 г. от пересмотра территориальных вопросов и предоставления военных баз в районе черноморских проливов, стратегические инициативы И. В. Сталина, интерпретировались У. Черчиллем как продолжение старого англо-российского соперничества за регион Ближнего и Среднего Востока [17, р. 55]. Глава Форин Оффис Э. Бевин на протяжении советско-британских переговоров стремился не допустить изменений политического ландшафта в акватории Средиземного моря, мотивируя это опасностью, грозящей Британской империи распадом на составные части, тем самым, выступая против перспективы советского присутствия в подмандатной Триполии. [5, с. 85–86].

Создание в дальнейшем условий для базирования американского флота в акватории Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция), расценивалось советской стороной как «новая угроза безопасности южных рубежей СССР. Для советского руководства были очевидны геостратегические последствия альянса США и Великобритании. Сочетание американского экономического потенциала с ядерной мощью вкупе с военными базами Британской империи были чреваты отнюдь не дружественным «опоясыванием» Советского Союза [4, р. 76].

Первый тревожный сигнал прозвучал в конце апреля 1945 г., когда американская сторона без предварительного уведомления прекратила поставки по ленд-лизу в размере 381 млн долл., что стало очередной проверкой на прочность советской экономики. Выделенные Государственным комитетом обороны (ГКО) 113 млн из золотовалютных резервов компенсировали недостающие части и материалы. Ссылаясь на бюрократическую оплошность, Соединенные Штаты возобновили поставки по ленд-лизу. Однако, в Москве инцидент расценили как попытку оказания политического давления, что усиливало приверженность принципу – «полагаться только на собственные силы» [13, р. 15].

В регионе Среднего Востока Советский Союз не мог придерживаться пассивной позиции. В связи с планируемым созданием авиабазы Дахран в Саудовской Аравии и других баз западного блока на Ближнем Востоке, которые впоследствии могли быть использованы командованием США для бомбардировки жизненно важных и уязвимых объектов нефтяной и тяжелой промышленности, перебазируемых с западных районов СССР еще в первые месяцы войны. Так в Иране, в частности, СССР выступил сторонником азербайджанской и курдской автономии, и неспешность в вопросе вывода советских войск исходила из планов по мере возможности максимально сдвинуть оборонительные рубежи на южном направлении.

22 февраля 1946 г., в «Длинной телеграмме» сотрудник посольства США в Москве Дж. Ф. Кеннан предостерегал американское руководство, указывая, что в случае расширения сферы влияния и упрочнения военно-стратегического потенциала Советского Союза, правительство Ирана в перспективе сочтет приемлемым предоставление СССР зоны дислокации в акватории Персидского залива. Дж. Кеннан считал необходимым сдерживание СССР, признавая враждебную позицию, занятую Советским Союзом, что в определенной мере предопределило оценку динамики советской внешней политики американским истеблишментом [12, р. 65].

В свою очередь, помимо общих положений об экспансивном характере американской политики, посол Советского Союза в США Н. В. Новиков в отчете «Внешняя политика США в послевоенный период», датированном 27 сентября 1946 г. акцентировал внимание на ключевой значимости ближневосточного региона в военно-стратегических планах Вашингтона [6].

В аналитическом обзоре, представленном Н. В. Новиковым, отмечалась потенциальная угроза размещения «американских стратегических баз» в регионе Ближнего Востока и за его пределами, которые могли представлять плацдарм для нанесения тактических ударов по советской территории. Невозможно с полной определенностью утверждать, действительно ли этот канал имел резонанс в Москве схожий с реакцией Вашингтона на «Длинную телеграмму» Кеннана, или это было лишь отражением взглядов Н. В. Но-

викова разделявшим со своим руководством беспокорство ввиду специфичности ближневосточного региона. [16, р. 67–68]. Констатировалось им и более чем двенадцатикратное увеличение военного бюджета на 1947–1948 финансовый год, при сопоставлении с показателями десятилетней давности.

Факторами, активизировавшими «масштабное продвижение» Соединенных Штатов, в регион Средиземноморского бассейна и Ближнего Востока, по мнению советского посла, были связаны с природными ресурсами, и в первую очередь – с нефтью. Критерием для подобной оценки служило то, что стремление «приоткрыть дверь» на Ближний Восток в 1928 г. с получением первых концессий на разработку нефтяных месторождений, к 1944 г. исчислялось установлением контроля над 42% разведанными в регионе месторождениями. В 1947 г. план «американских нефтяных компаний протянуть трансаравийский трубопровод для транспортировки нефти, выкачиваемой в Саудовской Аравии к Средиземному морю» частично был реализован компанией «Агатсо» с началом функционирования терминалов в Захрани, и вблизи ливанского Сидона [16, р. 66–67]. Военные базы и аэродромы, и отдельные объекты Персидского залива были важны как для поддержания военно-стратегического потенциала США, а также служили гарантом укрепления экономических позиций в мирный период. Так с конца 1940-х гг. правящие круги США отводили нефтеносным районам Ближнего Востока роль «энергетика» подпитывающего промышленность и военный потенциал союзников, в то время как Соединенным Штатам была уготована миссия сохранения нефтяных ресурсов Западного полушария как стратегического резерва на время глобальной чрезвычайной ситуации [11, р. 4].

Иницированное США новаторство в отношении предоставления половины прибыли от нефтяных месторождений всколыхнуло не только Ближний и Средний Восток, но и Великобританию.

Подчеркивая решимость Великобритании защитить свои нефтяные интересы в регионе, лорд Бивербрук (курирующий в годы войны Министерство запасов и снабжения) заявлял, что «Нефть является единственным остающимся для нас, самым существенным послевоенным активом. Мы должны отказаться от деления нашего последнего актива с США» [23, р. 401]. Более того, стремление защитить платежный баланс Великобритании и избежать метаморфоз, сопряженных с переходом на «второстепенные роли» в мировой политике, – не исключала попыток дестабилизировать «доллар».

При этом, по мнению Р. Макнамара, британские правящие круги, объективно оценивая геополитические изменения и собственный потенциал, стремились отсрочить процесс грядущей радикальной трансформации, позволив США занять лидирующие позиции в регионе Ближнего Востока [18, р. 92].

В то время как советская дипломатия стойко и последовательно стремилась к получению стра-

тегических зон дислокации в ближневосточном регионе и возможности доступа к иранской нефти, США к тому времени уже сумели осуществить обе цели. Нарастающая мощь на Ближнем Востоке и исходящие от американской стороны инициативы в Москве расценивали как прямую угрозу безопасности СССР, а также как часть масштабного плана на пути США к мировой гегемонии.

Активизация обеих сверхдержав в отношении сырьевых баз углеводородного сырья, сосредоточенность Советского Союза в отношении обеспечения обороноспособности находящихся близ границ собственных внутренних нефтяных ресурсов и прогнозируемое военными аналитиками усиление позиций США, являлось показателем наступления новой эры соперничества и борьбы за глобальное доминирование.

И, если И. В. Сталин и советское руководство в целом, основные векторы внешнеполитической стратегии видели в укреплении национальной безопасности и упрочнения позиций СССР на международной арене, то после 1953 г. трансформация внешнеполитического курса будет обусловлена ротацией геополитических и идеологических парадигм, а также внутрипартийной борьбой, разгоревшейся в Кремле в этот период. Так период с конца 1954 г. По начало 1955 г. по мнению Э. Рубинштейна имел огромное значение для советской внешней политики в отношении «третьего мира» в целом, и в отношении всего Ближнего Востока, в частности [19, р. 81].

На саммите в Женеве, прошедшем в июле 1955 г., главы правительств СССР, США, Великобритании и Франции наряду с проблемами послевоенного мироустройства, вынесли на рассмотрение вопрос сохранения территориальной целостности государств, придерживающихся политики нейтралитета и не участвующих в военных блоках.

Как представлялось Н. С. Хрущеву, советской дипломатии удалось лишить США комфортного положения превосходства, поставив американскую сторону перед необходимостью поиска компромиссов. Подобная интерпретация, по мнению В. Зубока, побудила сменить выверенный и рациональный курс на наступательный за пределами основных театров холодной войны [24]. К осени 1955 г. это приведет к активизации СССР на Арабском Востоке. Глобальные масштабы противоборства и линия противостояния в холодной войне порой носили незримый характер, затрагивая различные сферы и направления. И ведущие мировые державы были полны решимости отстаивать собственные ценности, принципы, идеологические доктрины, поступаясь колоссальными материальными ресурсами и интеллектуальным потенциалом дипломатов, военных, политиков.

В Вашингтоне находили советскую стратегию на Ближнем Востоке угрожающей не их национальной безопасности непосредственно, скорее их диспозициям в регионе, которые были так принципиально важны для Соединенных Штатов, претендующих доминирующие позиции в мире.

Советская военная угроза служила предлогом для создания военных баз США в геополитически важных регионах, и наращивания американского «фактора» при сопоставлении с ограниченным военно-стратегическим потенциалом и относительно скромной миссией Соединенных Штатов до 7 декабря 1941 г. И решающая роль в реализации гегемонистических устремлений, американскими правящими кругами отводилась вооруженным силам.

Сложившаяся в послевоенное десятилетие политическая конфигурация в определенной мере отражала геополитические предпочтения сверхдержав. И сложная динамика ближневосточного конфликта, в котором СССР поддерживал сотрудничество арабскими странами, проецировалась на отношения Москвы и Тель-Авива [3, с. 264].

Официальный Вашингтон, придерживающийся произраильского курса, решал задачу и нейтрализации арабских режимов, отстаивающих свой суверенитет и дистанцировавшихся от американского влияния. Заняв нейтральную позицию в вопросе вывода британских войск с территории Египта, Соединенные Штаты, стремились избежать обвинений в лояльности по отношению к той или иной стороне. Хотя, подобная позиция, по мнению британского кабинета, была чревата перспективой остаться без союзников [13].

Джордж Кеннан уже в качестве посла США в Советском Союзе и будучи кадровым сотрудником Госдепартамента, ставил под сомнение рациональную составляющую поддержки Израиля Соединенными Штатами [14 р. 184]. Специалист же отдела по Палестине – Роберт МакКлинток предостерегал о потенциальной угрозе «радикальных действий, способных нанести ущерб стратегическим интересам США» со стороны «фанатичных, изнуренных масс против наших нефтяных инвестиций», [18, р. 25].

Несмотря на то, что ближневосточная политика СССР и США определялась идеологическими императивами и разноплановостью приоритетов – обе сверхдержавы придерживались схожего подхода в стремлении предотвратить перерастания ближневосточного конфликта до уровня глобального.

Со становлением СССР в статусе сверхдержавы, Соединенные Штаты были озабочены крепнущими позициями международного коммунизма, что периодически ставило под угрозу западное влияние в арабском мире. При этом американское руководство фактически не акцентировало внимание на продвижении демократических свобод или конституционализма на Ближнем Востоке. Как бы парадоксально это не звучало, учитывая демонизацию радикальных религиозно-политических течений ислама в американском публичном дискурсе на протяжении десятилетий, Соединенные Штаты на самом деле проявляли лояльность по отношению к подобным тенденциям, ввиду необходимости наличия в арсенале любых средства для ведения холодной войны.

Более того, американское влияние прослеживалось в поддержке переворота в 1949 г. Хусни

Заима против конституционно избранного президента Шукри аль-Куватли в Сирии; в предоставлении финансовой поддержки президенту Ливана Камилю Шамуну при формировании парламентского большинства в выборах 1957 г. [22]. Сменившая проамериканскую военную диктатуру Адиба Шишенкли, Национальная партия Сирии вызвала крайнюю настороженность со стороны США, опасавшихся создания сирийско-египетского оборонительного союза. Абстрагированность от навязываемых Вашингтоном «внешнеполитических перспектив» обернулось жестким резонансом для сирийского руководства, которое проявилось в эскалации напряженности во взаимоотношениях с Турцией и Ираком, конфронтации с Израилем [7, с. 43].

США поощряли формирование региональных союзов и региональных систем, которые свели бы вместе антикоммунистические и прозападные правительства, как часть программы по сдерживанию Советского Союза. Поэтому Соединенные Штаты придавали большую значимость альянсу расположенных вблизи советских границ – Турции и Ирана с любым ближневосточным региональным союзом. В Вашингтоне пытались включить и Израиль в эти союзы, полагаясь на установление мирного процесса между арабскими государствами и Израилем, тем самым обеспечив безопасность последнего.

И, хотя на протяжении 1950–1960-х гг. подъем антизападного национализма, сменялся спадом, за которым регион погружался в череду локальных конфликтов. Поддержка арабского мира со стороны СССР против Запада и Израиля, расцениваемого в качестве «прозападного форпоста в регионе» благоприятствовал росту советского влияния и престижа [2, с. 58].

Прием сирийского посланника Фариды Хани главой МИД СССР В. М. Молотовым 27 марта 1955 г. свидетельствовал, что «СССР ценит крепнущие позиции Сирии» и приветствует отказ сирийского руководства, от участия в агрессивных военных альянсах» [1, л. 2].

В ходе встречи, прошедшей, тремя месяцами позднее (22 июня 1955 г.), в Сан-Франциско, министр иностранных дел Сирии Халед эль-Азем уведомил В. М. Молотова о ходе переговоров Сирии, Египта и Саудовской Аравии, нацеленных на заключение действенного союза арабских государств. И далее: «В связи с этим на арабские страны оказывается давление, со стороны Турции, заинтересованной в разобщенности арабского мира, Англией с целью сохранения стабильности прочных позиций в Ираке, Соединенными Штатами – для осуществления дальнейшего контроля в Ливане» [1, л. 2–4].

Приемлемыми проявлениями помощи в Дамаске считали – «моральную поддержку, с целью нейтрализации давления со стороны Турции», а также «упрощение процесса закупки оружия Сирией, в котором отказывают США, ибо они обуславливают свои поставки вооружений тем, что бы получающие его страны, следовали политике,

проводимой США» [1, л. 6]. При этом В. М. Молотов, выражавший советскую позицию, отмечал, что «СССР будет продолжать оказывать содействие в приобретении оружия для Сирии, которое в пределах возможного должно приобретаться через Чехию и Польшу» [1, л. 7].

В конечном итоге, в октябре 1955 г. Египет и Сирия сумели заключить военный союз, к которому примкнула и Саудовская Аравия. Антиимпериалистическая направленность республиканских Каира и Дамаска были очевидны. Саудиты же отстранились от Багдадского Пакта, ввиду давней конкуренции с монархическим Ираком, а также в связи с возникшей разобщенностью с Великобританией, поддержавшей султанат Маската в территориальном споре за нефтеносный оазис Бурайми.

Интересы Соединенных Штатов на протяжении многих лет неоднократно сталкивались с британскими. Максимальная разобщенность стран нашла выражение в период Суэцкого кризиса, когда Вашингтон выступил против военной кампании развязанной Великобританией, Францией и Израилем против Египта. Конфронтационный характер взаимоотношений Великобритании с арабскими государствами Ближнего Востока в послевоенное десятилетие, позволил Вашингтону в 1957 г. с обнародованием «Доктрины Эйзенхауэра», занять место старшего партнера в англо-американском альянсе на Ближнем Востоке. Кроме того, с провозглашением Доктрины, США признавали готовность оградить ближневосточный регион от коммунизма и его сторонников, используя весь имеющийся потенциал, вплоть до вмешательства во внутривосточную сферу стран Ближнего Востока. И как отмечал ученый-востоковед и государственный деятель Е. М. Примаков «Имея достаточно надежные источники информации, Вашингтон не должен был исходить из того, что СССР намерен устанавливать коммунистический режимы». Антикоммунистическая направленность Доктрины, очевидно, была рассчитана на позитивный резонанс со стороны ближневосточных монархий. В случае, если бы определенно указывалась ее нацеленность против какой-либо арабской страны (в том числе и Египта), это отнюдь не было бы воспринято благосклонно. Таким образом, реализация Доктрины была направлена на становление США в статусе доминирующей внерегиональной державы, наряду с нейтрализацией насеровского Египта – «союзника СССР на Ближнем Востоке» [7, с. 100].

Американская администрация придерживалась курса на поддержание контактов с арабскими странами для соблюдения баланса в регионе, ввиду опасения, что произраильский курс Вашингтона приведет арабский мир к просоветской ориентации. А затяжной конфликт, в свою очередь, мог обеспечить благоприятные возможности для Советского Союза, стремившегося, по мнению аналитиков Госдепартамента, к упроч-

ению своего влияния за счет реализации оружия и оказания дипломатической поддержки арабским странам.

Присоединение саудовского монарха Сауда в 1957 г. к «Доктрине Эйзенхауэра», декларирующей поддержку любому ближневосточному государству, на которое нацелена «вооруженная агрессия любой страны, контролируемого международным коммунизмом», обеспечило Вашингтону возможность отдалить Саудовскую Аравию от Египта (в недалекого прошлого союзника в межарабской политике и активного сторонника Движения неприсоединения). В результате в течение следующего десятилетия Саудовская Аравия и Египет стали представлять полюса двух противоположных лагерей в арабском мире, характеризующихся М. Керром как «арабская холодная война» [12].

Не случайно, подписанному в Каире 27 декабря 1958 г. советско-египетскому договору об оказании экономической и технической помощи Объединенной Арабской Республике в строительстве первой очереди высотной Асуанской плотины, придавалось кардинальное значение, что подтверждается его ратификацией 19 февраля 1959 г. в Москве [3, с. 23].

Таким образом, приоритеты СССР на Ближнем Востоке претерпевали определенную трансформацию в рассматриваемый период. Тем не менее, в Москве пытались определить верного ближневосточного союзника. С середины 1950-х гг советское правительство выражало готовность к сотрудничеству с консервативным и буржуазно-националистическим руководством в областях, представляющих взаимный интерес, несмотря на поддержание ими тесных взаимоотношений с Соединенными Штатами в военной сфере.

Соединенные Штаты, в свою очередь, в последующий за 1945 г. период, пытались влиять на любую значительную проблему региона: от права на существование Израиля и целостности его границ, к негативной оценке британско-французско-израильского вторжения в Египет, и десяткам других проблем. Американские правящие круги опасались проявлений пассивности, поскольку было очевидно, что Советский Союз представляет собой мощную альтернативу, оказывая реальное содействие странам региона в политической, экономической, технической сферах. В то же время, оказываемое со стороны и Советского Союза и Соединенных Штатов, военно-тактическое и техническое содействие лояльным режимам было сопряжено с милитаризацией политики, превращая использование военного потенциала в способ разрешения конфликта. Можно признать, что события на ближневосточной арене, порой предопределяли влияние СССР или США в регионе, позволяя тому или иному ближневосточному государству рассчитывать на поддержку со стороны одной из сверхдержав.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 14 а. П. 49. Д. 270.
2. Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке М.: Центрполиграф, 2018. 670 с.
3. Внешняя политика СССР. Документы и материалы. Выпуск 1 (январь-март 1959 г.) Часть. II // Министерство иностранных дел СССР. Историко-дипломатическое управление. [Для служебного пользования]
4. Медведко Л. И., Медведко С.И. Восток – дело близкое, Иерусалим – святое. М.: Грифон, 2009. 542 с.
5. Нарочницкая Н. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике // Международная жизнь. 2001. № 8. С. 75–89.
6. Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11, С. 138–154.
7. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
8. Doran Michael. Egypt: Pan-Arabism in Historical Context. L. Carl Brown (ed.), *Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers*. N.Y., 2004. P. 97–120.
9. Douglas Little. *American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2008. 464 p.
10. Eddy A. William, F. D. R. (Franklin D. Roosevelt) Meets Ibn Saud, *American Friends Of The Middle East, Inc.* New York, 1954. 46 p.
11. Fain W. *Taylor American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 291 p.
12. Galpern Steven G. *Money, Oil, and Empire in the Middle East: Sterling and Postwar Imperialism, 1944–1971*. New York: Cambridge University Press, 2009. xiv + 331 p.
13. John Darwin. *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830-1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 596 p.
14. Kennan G. *Memoirs 1925-1950*. Boston: Little, Brown and Co., 1967. 583 p.
15. Kerr Malcolm H. *The Arab Cold War: Gamal Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970*, 3rd ed. London/Oxford/New York: Oxford University Press, 1971. 166 p.
16. Khalidi Rashid. *Sowing crisis: the Cold War and American Dominance in the Middle East*. Boston: Beacon Press, 2009. 308 p.
17. Little Douglas. *American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945*, 3rd edition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 441 p.
18. McNamara, R. *Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East, 1952-1967: from the Egyptian revolution to the Six-day war*. London; Portland (Or.): Cass, cop. 2003. XVII, 308 p.
19. Rubinstein Alvin Z. *The Middle East in Russia's Strategic Prism*. L. Carl Brown (ed.). *Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers*. N.Y., 2004. P.75-94.
20. Simon Davis. *Contested Space: Anglo-American Relations in the Persian Gulf 1939–1947*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 352 p.
21. Smith Simon C. *Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization*. London: Routledge, 2012. 264 p.
22. Wilbur Crane Eveland. *Ropes of sand: America's failure in the Middle East*. L.; N.Y: Norton, Cop. 1980. 382 p.
23. Yergin Daniel. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*. New York: Simon & Schuster, 1991. 909 p.
24. Zubok V. M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007, 467 p.

References

1. Foreign Policy Archive of the Russian Federation. F. 06. Inv. 14 a. D. 270.
2. Vasil'ev A. M. *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke (From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East)*. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2018. 670 p.
3. Vneshnyaya politika SSSR. Dokumenty i materialy. Vypusk 1 (yanvar'-mart 1959 g.) Chast'. II // Ministerstvo inostrannykh del SSSR. Istoriko-diplomaticheskoe upravlenie. [Dlya sluzhebnogo pol'zovaniya] (*Foreign policy of the USSR. Documents and materials. Issue 1 (January-March 1959) Part. II // Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Historical and Diplomatic Administration. [For official use]*) p. 23.
4. Medvedko L. I., Medvedko S. I. *Vostok – delo blizkoe, Ierusalim – svyatoe (The East is near, Jerusalem is Holy)*. Moscow: Grifon publ., 2009. 542 p.
5. Narochnitskaya N. *Staryi «Vostochnyi vopros» v novoi anglosaksonskoi politike // Mezhdunarodnaya zhizn'. («The Eastern question» in new Anglo-Saxon politics) // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2001. No. 8. P. 75–89.*
6. *Pervye pis'ma s «kholodnoi voiny» // (First letters from the cold war) // Mezhdunarodnaya zhizn', 1990. No. 11. P. 138–154. (In Russian).*
7. Primakov E. M. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (Confidential: the Middle East on stage and behind the scenes)*. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2016. 415 p.
8. Douglas Little. *American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2008. 464 p.
9. Eddy A. William, F. D. R. (Franklin D. Roosevelt) Meets Ibn Saud, *American Friends Of The Middle East, Inc.* New York, 1954. 46 p.
10. Galpern Steven G. *Money, Oil, and Empire in the Middle East: Sterling and Postwar Imperialism, 1944–1971*. New York: Cambridge University Press, 2009. xiv + 331 p.
11. Fain W. *Taylor American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 291 p.

12. Kerr Malcolm H. The Arab Cold War: Gamal Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970, 3rd ed. London/Oxford/New York: Oxford University Press, 1971. 166 p.
13. Zubok V. M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: the University of North Carolina Press, 2007, 467 p.
14. Doran Michael. Egypt: Pan-Arabism in Historical Context. L. Carl Brown (ed.), Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P. 97–120.
15. John Darwin. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 596 p.
16. Kennan G. Memoirs 1925–1950. Boston: Little, Brown and Co., 1967. 583 p.
17. Khalidi Rashid. Sowing crisis: the Cold War and American Dominance in the Middle East. Boston: Beacon Press, 2009. 308 p.
18. Little Douglas. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945, 3rd edition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 441 p.
19. McNamara, R. Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East, 1952–1967: from the Egyptian revolution to the Six day war. London ; Portland (Or.) : Cass, cop. 2003. XVII, 308 p.
20. Rubinstein Alvin Z. The Middle East in Russia's Strategic Prism. L. Carl Brown (ed.). Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P.75-94.
21. Simon Davis. Contested Space: Anglo-American Relations in the Persian Gulf 1939-1947. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 352 p.
22. Smith Simon C. Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization. London: Routledge, 2012. 264 p.
23. Wilbur Crane Eveland. Ropes of sand: America's failure in the Middle East. L.; N.Y: Norton, Cop. 1980. 382 p.
24. Yergin Daniel. The Prize: the Epic Quest for Oil, Money and Power. New York: Simon & Schuster, 1991. 909 p.

Сведения об авторах

Чикаидзе Циснами Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава РФ (Владикавказ) / tsisnamy@mail.ru

Тедеева Ульяна Шотаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава РФ (Владикавказ) / tedeeva76@mail.ru

Information about the authors

Chikaidze Tsisnamy Mikhailovna – PhD in History, Associate Professor, Chair of Public Health, Healthcare and Socio-Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz) / tsisnamy@mail.ru

Tedeeva Ul'yana – PhD in History, Associate Professor, Chair of Public Health, Healthcare and Socio-Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz) / tedeeva76@mail.ru